

Ивкин Сергей Валерьевич. Поэт, критик, художник.

Родился в Екатеринбурге в 1979 году. Получил художественное образование. Работает в сфере производства русских сувениров. Автор 5 книг стихотворений. Один из составителей Третьего тома антологии Современной уральской поэзии и энциклопедии Уральской поэтической школы. Лауреат Первой Санкт-Петербургской премии им. И.А. Бродского. Член Союза писателей России.

Сергей Ивкин
г. Екатеринбург

***

Уточка на голове
перья раскроет – схлопнет,
как будто веер.
Ты говоришь:
*Я тебе больше не верю,
не ощущаю твоей защиты,
век наш измерен, сочтён, засчитан,
карма окончилась,
мы можем жить,
но не вместе.*

Уточка на голове
клювом поводит налево–направо.
Ты говоришь:
*Мы встретились слишком рано,
не пережив привычку
засыпать в обнимку,
быть с кем-то вдвоём.*

Уточка на голове
хвостик свой чёрный поднимет – опустит.
Ты говоришь:
Давай, друг друга отпустим.
А мы и не держим.
Не держимся.
Не дорожим.
Не дружим.
Я научилась испытывать ужас
неразличения гендера,
неразделения тела и духа,
музыку слышать
за гранью возможностей слуха:
брезжит откуда-то,
нарастает,
тает.
...
Уточка
улетает.

***

лучшие чувства вне осязания:

рокот общей молитвы,
перекатывающийся между лиственниц,
следующий за овцами тумана
по спинам Алтайских гор

радужные аэростаты
над закрытым городом,
куда я не был официально допущен,
никогда в нём не существовал

шорох шагов за стеклянной дверью
в пустую комнату
фамильного поместья
с призраком лесничего

цветные блики на лице
женщины настолько родной,
что даже тень измены через четыре года
сведёт меня с ума

не прикоснуться
не отвести руку

***

выпадают молочные города
преподносят уроки свиной речи
ведут сквозь картезианский валежник

примерил стрекозиные глаза
прошёл по облакам водомеркой
стерлядью волжской заглотил воздух

душа стоит на берегу
в синяках и проколах
ждёт пока тело немного просохнет

***

Девочка. Зимнее солнце.
И невозможность объятий.
И невозможность измены.

В каждый листок наливает,
словно нарзан на банкете,
то обещание лета,

только которым мы живы,
только которому верим,
только которым и дышим.

Медленно стянута скатерть,
и сквозь голодные рёбра
тянутся в небо побеги.

Ты обними на прощанье.
В комнате города пусто.
В сердце под кольцами жарко.

***

Сидеть на облаке,
хлопать в ладоши,
обнимать, чтобы не сдуло
снижающимся самолётом,
кидаться молниями,
опрокидывать снег,
в две лейки
гонять по городу
одинокую кошку –
всё это у нас будет,
но только после слов,
которых мы *друг другу*
так и не скажем.

***

Так стоят они
мужчина напротив женщины.
Он её спрашивает:
«Кто я для тебя?»
Она ему отвечает:
«А кто я для тебя?»
Он:

«Видимо, моя смерть.
Так долго держала моё сердце
в ладони,
что стало оно окариной.
Отпустишь отверстия –
не успеют они зарубцеваться».
Она:
«Я буду отводить пальцы по одному».

***

Алёне

О чём могла плакать вполголоса
на берегу океана
пятнадцатилетняя девочка
под чёрным и липким воздухом чужого дома?

Меня не перебрасывали из чрева в чрево
две сестры лисьей крови.
Меня не вылизывала корова
из глубины солёного метеорита.
Я родился в песне заиндепевшей девочки,
просоленным древесным зигзагом застывшей на берегу.

На'йре-на'йре-на'йре...
У'ндо-у'ндо...
На'йре-на'йре...

Большое серебряное блюдо,
медленно шевелящее плавниками.